

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
НАЦЫЯНАЛЬНЫ ГІСТАРЫЧНЫ АРХІЎ БЕЛАРУСІ

Архіварыус

Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў

Выпуск 19

Мінск
НГАБ
2021

УДК [930.22+94(476)«15/19»(082)]
ББК 79.3(Бел)+63.3(4Бел)41
А87

Рэкамендавана да друку Вучным саветам
Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі

Рэдакцыйная калегія:

Г. Я. Галенчанка, В. Ф. Голубеў (галоўны рэдактар),
У. М. Дзянісаў, К. Ю. Ерусалімскі, В. І. Кураш, Д. В. Лісейчыкаў,
Д. Ч. Матвейчык (адказны рэдактар), *А. Рахуба, А. Я. Рыбакоў,*
А. Л. Самовіч, В. В. Урублеўскі, М. Ф. Шумейка, Д. У. Яцэвіч

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук *А. І. Груша,*
кандыдат гістарычных навук *В. С. Пазднякоў*

У адпаведнасці з загадам старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі
Рэспублікі Беларусь ад 1 лютага 2012 года № 21 зборнік навуковых
прац «Архіварыус» уключаны ў Пералік навуковых выданняў
Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных
даследаванняў па гістарычных навук

ISSN 2225-4412

© Дзяржаўная ўстанова
«Нацыянальны гістарычны
архіў Беларусі», 2021

С. Н. Рындин

**МАРКОВЩИНСКИЙ ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ)**

В минувшем десятилетии человечество отметило столетние юбилей начала и конца Первой мировой войны. Этот глобальный конфликт стал беспрецедентным по своим масштабам. Воюющие государства мобилизовали в ряды своих армий свыше 73 млн человек. В ходе военных действий стороны несли колоссальные потери. Невиданными также стали потери военнопленными. За годы войны в плен попало около 8 млн военнослужащих и более 200 тыс. мирных граждан [25, с. 627–629]. На Восточном фронте из почти 2 млн военнослужащих, взятых в плен российской армией, около 1 млн 737 тыс. служили в австро-венгерской армии [1, с. 183]. Воюющие страны размещали «неприятельских» военнопленных в тыловых лагерях. В России в годы Первой мировой войны было организовано 400 таких лагерей [2, с. 14].

С начала военных действий западные губернии, включая белорусские, являлись для большинства военнопленных в первую очередь транзитной зоной. С полей битв их перевозили в железнодорожных эшелонах на восток. Со временем российские власти, как и власти других государств, участвовавших в войне, начали широко привлекать военнопленных к труду в промышленности и сельском хозяйстве. Это стало особенно актуальным в виду того, что затянувшаяся война забирала в действующую армию наиболее трудоспособных членов общества. Территорию Беларуси (в пределах 35 белорусских уездов) в числе мобилизованных и беженцев покинула значительная часть населения – около 2 млн из 7,5–8 млн на начало 1914 г. Это были преимущественно крестьяне. Также сократилось и количество местных рабочих – с 519 тыс. в 1913 г. до 270 тыс. в 1917 г. [23, С. 445]. При этом предприятия, выполнявшие военные заказы, значительно (на 15–50%) увеличили объемы своего производства. В частности, в Витебской губернии нарастили выпуск продукции льнопрядильная фабрика «Двина», табачно-мажорочные фабрики Колбановского и Ривлина, Витебский сахарный завод, пуговичная фабрика Натансона и ряд других [14, л. 20]. Эти обстоятельства существенно повышали спрос на рабочую силу.

В белорусских губерниях постоянное использование труда военнопленных, главным образом в интересах фронта, началось в конце весны–начале лета 1915 г. 12(25) ноября 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев приказал формировать из

военнопленных рабочие роты по установленному общему принципу. В течение декабря 1915 – февраля 1916 г. роты сводились в дружины, каждая из которых состояла из шести рот [24, с. 260–261]. К маю 1917 г. в распоряжении учреждений Западного фронта пребывали 10 380 рабочих из числа военнопленных [3, л. 8].

Российские военные власти не допускали постоянного размещения в прифронтовых губерниях военнопленных из коренных немцев, венгров и турок. Можно предположить, что военнопленные в западных губерниях состояли из лиц славянских национальностей (в основном, чехов, словаков русинов и поляков). Это подтверждают и их именные списки, в небольшом количестве сохранившиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (далее – НИАБ).

О создании лагерей для военнопленных на территории белорусских губерний в отечественной и зарубежной историографии долгое время ничего не было известно. НИАБ хранит подробные сведения об одном из таких лагерей на территории Витебской губернии. Лагерь был развернут в районе села Марковщина в Витебском уезде (в настоящее время – район в юго-западной части г. Витебска) и, согласно архивным документам, просуществовал в течение всей войны. О Марковщинском лагере, как о важном тыловом объекте российской армии, говорилось в письме из штаба Двинского военного округа витебским военным властям в сентябре 1915 г.: *«По шоссе на Марковщизну, за железнодорожным переездом, образовался военный городок с населением до 10 тысяч нижних воинских чинов и более 2 тысяч военнопленных. Там собраны самые разнородные части: полевые хлебопекарни, запасный артиллерийский дивизион, мортирные дивизионы, пересельные команды нижних чинов этапного пункта и военнопленные <...>»* [5, л. 1001]. В этой местности располагались и армейские госпитали [7, л. 165 об.]. Лазарет действовал также в Марковом Свято-Троицком мужском монастыре, от которого, по преданию, произошел топоним «Марковщина» [8, л. 91]. Факт существования в этом районе лагеря военнопленных времен Первой мировой войны в настоящее время практически неизвестен. В литературе упоминаются только лагеря в центральных и восточных губерниях Российской империи.

В данной статье будет проведен обзор выявленных документов и проанализирована их информативность: период существования лагеря, условия содержания военнопленных, отношения заключенных иностранных военнослужащих с лагерной администрацией, руководством и персоналом хозяйственных объектов, использовавших труд военнопленных, масштаб применения труда. Большой интерес представляют документы, содержащие сведения о самих военнопленных: подданство, национальность, именные списки.

Все выявленные документы относятся к источникам официального делопроизводства. Они хранятся в фондах как военных, так и гражданских учреждений. Наиболее информативны фонды Марковщинского и Витебского комендантских управлений. Преимущественно они состоят из приказов и рапортов.

Приказы обычно предельно лаконичны, но могут пролить свет на некоторые реалии жизни военнопленных. Военные власти часто предписывали строгий надзор за «неприятельскими» солдатами. Но на практике такой надзор не всегда соблюдался. В одном из приказов по Марковщинскому комендантскому управлению, датированном 12(25) ноября 1915 г., констатируются пьянство и небрежность среди солдат-конвоиров. Как утверждал марковщинский комендант, он застал колонну военнопленных, которые шли по шоссе с работ *«кто как хотел»* в сопровождении сильно нетрезвого конвоира [17, л. 6]. В мае 1916 г. главный начальник Двинского военного округа, генерал от инфантерии Д. П. Зуев писал местным властям о военнопленных австрийцах и германцах, свободно гуляющих по г. Витебску без сопровождения, и требовал усилить надзор за военнопленными и не допускать их увольнения в город вовсе [21, л. 219].

Приказы содержат также информацию о применении труда военнопленных на оборонных предприятиях Витебской губернии. Например, в феврале 1916 г. марковщинский комендант полковник Кулинский приказал ежедневно с 6 утра направлять 25 человек из смешанной рабочей команды военнопленных на льнопрядильную фабрику «Двина». Приказ был отдан на основании прошения фабрики, одобренного военными властями [21, л. 109]. При этом директор фабрики Д. А. Тфельд обещал отпускать рабочим из средств фабрики паек в качестве оплаты и ежедневное питание [21, л. 129].

В сентябре этого же года новый марковщинский комендант полковник Соболев решил посетить военнопленных на фабрике «Двина». Об увиденном он написал начальнику рабочей команды: *«1) Помещения содержатся грязно, 2) воздух спертый, 3) не имея матов, спят на рогожах, шинелях или на досках, 4) обед – горох, был слегка теплый»* [21, л. 364].

Разнообразная информация представлена в рапортах. Например, серьезную обеспокоенность у военных чиновников вызывали побегі военнопленных. Такие донесения составляют значительную часть всех сохранившихся рапортов. Об одном из наиболее ранних случаев побега из Марковщинского лагеря было доложено в августе 1915 г. Военнопленный бежал из 43-й смешанной рабочей роты, занятой на постройке заразных бараков на Марковском поле [4, л. 470]. В августе 1916 г. марковщинский комендант Кулинский докладывал об участвовавших

случаях побегов военнопленных из 6-й рабочей команды военнопленных. Указывалось, что военнопленные скрываются в лесу, в окрестных деревнях и фольварках, идут в батраки к местным крестьянам, а для установления соответствующего надзора недостаточно людей [19, л. 106]. В январе 1917 г. командир 6-й рабочей команды из военнопленных штабс-капитан Сафонов описал марковщинскому коменданту несколько случаев, когда военнопленные самовольно отлучались, чтобы поступить на частные работы в промышленности и сельском хозяйстве. Там иностранцы рассчитывали на высокую плату и комфортные условия проживания. Спрос на рабочие руки оставался очень большим, а военные власти предоставляли военнопленных только ограниченному кругу предприятий, обслуживавших фронт [12, л. 1262–1263].

Ко многим рапортам прикладывались списки войсковых частей, именные списки, протоколы осмотра помещений лагеря, сдаточные описи барачных и землянок, сведения о штатном и наличном составе рабочих команд и т. п.

Большой интерес представляют списки войсковых частей, располагавшихся в г. Витебске и его окрестностях. В них упоминаются также части, размещавшиеся в Марковщине. Сохранились сведения о штатном и наличном составе трудовых формирований из военнопленных. Например, согласно списку войсковых частей, дислоцированных в г. Витебске и его ближайших окрестностях в 1916 г., в лагере побывали смешанные рабочие роты 41 по 47 включительно, 132-я и 133-я железно-дорожные рабочие роты, 6-я запасная железно-дорожная рабочая рота и т. д. [7, л. 116 об., 121]. Но количество военнопленных в лагере часто менялось, поскольку трудовые команды прибывали и выбывали.

В документах НИАБ нередко упоминается смешанная команда, расквартированная в землянках Марковщинского лагеря. Документы из Российского государственного военно-исторического архива позволили установить, что это была крупная смешанная рабочая команда иностранных военнопленных, насчитывавшая в конце 1915 г. 2 000 человек. При управлении витебского этапного коменданта она состояла с августа 1915 г. и до перевода в Витебскую губернию находилась на окопных работах в Сувалкской губернии [22, л. 251–252]. В приказе по войскам Марковщинского гарнизона от 21 марта (3 апреля) 1916 г. было упомянуто, что смешанная команда покинула марковщинские бараки [9, л. 53–53 об.].

Обширные сведения о бытовых условиях военнопленных в Марковщинском лагере имеются в отчете инспекторского осмотра 6-й рабочей команды военнопленных от 26 сентября (9 октября) 1916 г. Этот материал также хранится в фонде Марковщинского комендантского управления. 6-я рабочая команда являлась одним из крупных (свыше 700 чел.)

формирований в Марковщине, где она пребывала бессменно с 1(14) сентября 1915 г. [12, л. 1262]. Труд этой команды, состоявшей исключительно из австро-венгерских подданных, был широко востребован на оборонных предприятиях Витебской губернии. 21 сентября (4 октября) 1916 г. главный начальник Двинского военного округа Д. П. Зуев приказал марковщинскому коменданту Соболеву провести инспекторский осмотр команды и о результатах доложить в штаб округа. В этом отчете были проанализированы практически все стороны жизнедеятельности команды: списочный и наличный состав, организация команды, размещение, довольствие горячей пищей, чайное, мыльное, табачное довольствие, удовлетворение религиозных нужд, почтовая связь, санчасть, баня, вооружение, снаряжение, обмундирование, обувь, белье, денежные суммы, цейхгаузы, мастерские, делопроизводство, журнал взысканий [21, л. 351–355 об.]. В ходе работы над отчетом были также опрошены 46 кадровых военных и 528 военнопленных. В целом вид людей комендант оценил как *«здоровый и бодрый»*. Из отчета можно узнать, что команда занимала 16 землянок, в каждой из которых проживало 50 человек. Землянки освещались керосиновыми лампами. Для водоснабжения личного состава имелся колодец. Кроме этого, около землянок выставлялись ушаты с кранами, наполненные остуженной кипяченой водой. Были предусмотрены умывальники. Одна из землянок представляла собой прачечную с горячей водой. Команда была устроена как армейская единица, делилась на роты и взводы [21, л. 351–351 об.].

В рацион команды входили мясо, хлеб, крупа, пшено, масло, чай, сахар, которые поставлялись за счет государства. На средства команды покупались и другие продукты. Столовая команды вмещала 540 человек. Однако паек военнопленных был меньше, чем у российских солдат. Например, российским военным полагалось 3 фунта хлеба в сутки, а военнопленным – 2,5 [21, л. 352–353].

Для исполнения религиозных обрядов военнопленные отпускались в свои церкви. При команде был также ящик для почтовых сообщений. Письма отправлялись ежедневно, но обязательно проходили через цензурную комиссию. Команда располагала санитарной частью с 10 койками и изоляционной комнатой. В санчасти дежурили два врача из военнопленных, но при необходимости больные направлялись в госпиталь. Военнопленным рабочим делались прививки от тифа. Один раз в месяц устраивался банный день. Обмундирование и обувь команды комендант охарактеризовал как *«удовлетворительные»* [21, л. 353–353 об.]. Сапоги пленным уже не полагались. 7(20) апреля 1916 г. главнокомандующий армиями Западного фронта, генерал от инфантерии А. Е. Эверт приказал прекратить отпуск пленным сапог *«в виду недостатка кожаной обуви»*. Вместо сапог выдавались лапти [20, л. 60]. Но «казенные»

лапти быстро изнашивались, поэтому в команде наладили производство собственных лаптей с веревочными подошвами, что делало их более крепкими. При команде был устроен целый ряд мастерских: сапожная, столярная, портняжная, кузнечная. Кроме обслуживания нужд команды, мастера занимались также и частными заказами [21, л. 353 об.–354 об.].

Взысканиям подверглись 48 человек: 25 – за отлучки, 23 – за уклонение от работ. Провинившихся обычно сажали под арест на 1–2 суток [21, л. 354 об.]. Приложение к отчету с информацией о побегах не сохранилось.

В целом комендант дал положительную оценку состоянию команды. Особенно подчеркнул службу ее командира, штабс-капитана Сафонова. По его словам, командир руководит со *«знанием дела и широкой инициативой»* [21, л. 355 об.]. С 16(29) июля 1916 г. Сафонов являлся также военным полицмейстером Марковщинского гарнизона *«в целях поддержания наружного порядка, чистоты и урегулирования между расположенными частями в лагере военнопленных вблизи Марковщинского шоссе»* [9, л. 164].

Комендант обозначил и ряд недостатков: малочисленность караула, нехватка у военнопленных второй смены белья, недостаточность банных дней, отсутствие полевой кухни для зимнего времени, некомплект прогнупожарного инвентаря и т. д. [21, л. 355–355 об.]. Об энергичности командира команды Сафонова можно судить по его сохранившимся рапортам. Вскоре после инспекции Соболева Сафонов докладывал, что все пленные обеспечены спальными матами, недостающие комплекты белья заказаны на фабрике Даненберга [21, л. 366–366 об.].

Поименные списки военнопленных, пребывавших в Марковщинском лагере, в фондах НИАБ почти отсутствуют. Преобладают списки солдат конвоя. Сохранились именные списки хозяйственных работников Витебского заразного госпиталя, состоящих из военнопленных 6-й рабочей команды [13, л. 142–143]. В архивном фонде канцелярии старшего фабричного инспектора Витебской губернии имеются немногочисленные именные списки военнопленных, трудившихся на заводах Витебской губернии. Однако имена военнопленных чаще фигурируют в документах о розыске беглецов. В этих материалах сообщаются также и личные приметы. К сожалению, до настоящего времени не выявлено ни одной фотокарточки.

В НИАБ хранятся также описи всех землянок, барачков и хозяйственных строений в Марковщине за 1915–1917 гг., где детально описаны жилые и хозяйственные постройки для размещения военнопленных. Согласно этим материалам, к 30 октября (12 ноября) 1916 г. в ведении Марковщинского комендантского управления всего находилось 40 землянок для военнопленных на 50 человек каждая, 2 землянки на 60 воен-

нопленных каждая, 1 столовая-кухня на 2 000 военнопленных и 112 кадровых нижних чинов [11, л. 1634].

В случае дальних и продолжительных трудовых командировок военнопленных селили недалеко от места работ. Это могло быть и частное жилье. Сохранилось прошение жителя г. Витебска мещанина А. Н. Кузьмина, просившего в августе 1917 г. выселить из его квартиры военнопленных 6-й рабочей команды в виду стеснения. Рабочие занимались строительством колодца [10, л. 1004–1004 об.].

Об отношениях военнопленных и их конвоиров сохранившиеся документы почти ничего не сообщают. 3(16) декабря 1916 г. начальник 6-й рабочей команды из военнопленных Сафонов получил письмо от марковщинского коменданта Соболева, проводившего очередную инспекцию. Комендант заявил, что ужин, приготовленный военнопленными для солдат караула гауптвахты, *«был очень плохой, жидкий, почти одна вода»*. По словам Соболева, подобное случалось неоднократно, в то время как пища на кухне всегда была хорошей. Комендант стал подозревать, что военнопленные умышленно отпускают российским солдатам пищу поуже [6, л. 964–964 об.].

Также в документах НИАБ не прослеживается отношение иностранных военнопленных к политическим событиям в России после февраля 1917 г. В фонде Витебского комендантского управления встречаются только сведения о настроениях среди конвоя военнопленных осенью 1917 г. накануне прихода к власти большевиков. Во всех рапортах отмечается, что солдаты конвоя проявляют лояльность Временному правительству.

Трудовые команды из военнопленных продолжили свое существование и после установления советской власти. Но в фондах НИАБ эта информация очень ограничена. В кассовой книге фабрики «Двина» последняя выдача зарплаты *«пленным австрийцам»* зафиксирована 24 февраля 1918 г. [15, л. 126] Командный состав 6-й рабочей команды военнопленных состоял к апрелю 1918 г. уже из самих военнопленных (формально после заключения 3 марта 1918 г. Брестского сепаратного мира они считались свободными людьми) [18, л. 23]. В кассовой книге акционерного общества «Левенбрей» имеются сведения об использовании труда военнопленных в хлебопекарне и кофейной фабрике с сентября 1916 г. по июнь 1918 г. Но этот хронологический отрезок определяется сохранившимися в деле документами, полный период пребывания военнопленных в распоряжении «Левенбрея» остается неизвестным [16].

Таким образом, Марковщинский лагерь существовал приблизительно с лета 1915 г. и активно использовался в течение всей войны. Основу его трудового контингента составляла 6-я рабочая команда из австро-

венгерских военнопленных, восполнявшая острую нехватку рабочих рук на многих промышленных предприятиях Витебщины. Документы, хранящиеся в НИАБ, позволяют осветить такие аспекты, как количественный состав иностранных военнопленных в Марковщинском лагере, их организацию, использование труда, бытовые условия, этническую принадлежность. Обнаруженные именные списки могут быть востребованы в ходе генеалогических исследований. В меньшей степени источники НИАБ позволяют увидеть адаптацию военнопленных в новой для них среде, их взаимные отношения и отношения с местной администрацией, населением. Тем не менее, выявленные документы позволяют утверждать, что условия жизни и труда военнопленных Марковщинского лагеря были удовлетворительными. Лагерное начальство воспринимало этих людей, прежде всего, как рабочих, а не заключенных, и в меру своих возможностей старалось обеспечить их всем необходимым для продуктивной работы на фоне острого дефицита рабочей силы. В историографии приводятся различные примеры обращения с военнопленными в России в период Первой мировой войны. Обращается внимание на высокую смертность в азиатских лагерях, тяжелые условия работы на Мурманской железной дороге и т. д. Документы НИАБ подтверждают точку зрения, что качество жизни военнопленных в Российской империи варьировалось в зависимости от региона. Этническая принадлежность также имела значение. Отношение к военнопленным славянам было лучше. Определенную роль играли и личные качества начальников трудовых команд и вышестоящих инстанций. Много зависело от уровня их компетентности, ответственности, энергичности и человечности.

Источники и ЛИТЕРАТУРА

1. Белова, И. Б. Вынужденные мигранты : беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / И. Б. Белова. – Брянск, 2014. – 461 с.
2. Идрисова, Э. С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Э. С. Идрисова ; Оренбург. гос. пед. ун-т. – Оренбург, 2008. – 24 с.
3. НИАБ. – Ф. 700 (Минский губернский комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам). Оп. 1. Д. 356. – Циркуляры управы по вопросу представления сведений о заготовках. 05.1917. – 57 л.
4. НИАБ. – Ф. 2499 (Витебское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 160. – Дело со сведениями об иностранных подданных, прибывших в город Витебск. 03.07.1915–13.01.1916 г. – 951 л.
5. НИАБ. – Ф. 2533 (Витебское комендантское управление). Оп. 1. Д. 7. – Ведомости о составе витебского гарнизона, распоряжения о перевозке

- грузов, о задержании самовольно отлучившихся нижних чинов и пр. 22.08.1915–31.12.1915. – 2114 л.
6. НИАБ. – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 18. – Дело о выдаче довольствия нижним чинов. 31.10.1915–13.05.1917 – 1671 л.
 7. НИАБ. – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 19. – Дело о передвижении войсковых частей. 08.01.1915–23.12.1916 – 183 л.
 8. НИАБ. – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 21а. – Приказы по Витебскому комендантскому управлению за 1916 г. 01.01.1916–31.12.1916 – 421 л.
 9. НИАБ. – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 27. – Приказы по Марковщинскому комендантскому управлению за 1916 г. 08.01.1916–31.12.1916. – 333 л.
 10. НИАБ. – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 90. – Дело об отпуске нижних чинов в отпуски, о выдаче нижним чинов удостоверений на право жительства. 01.01.1917–30.12.1917. – 1389 л.
 11. НИАБ. – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 99. – Дело о доставлении сведений о количестве винтовок, теплой одежды и пр. 05.01.1916–24.12.1916 – 1854 л.
 12. НИАБ. – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 123. – Дело о зачислении на довольствие нижних чинов, вернувшихся из-под ареста. 13.11.1915–2012.1917 – 1392 л.
 13. НИАБ. – Ф. 2550 (Витебский заразный госпиталь). Оп. 1. Д. 42. – Дело о нижних чинах, прикомандированных к госпиталю в качестве санитаров. 01.01.1916–28.12.1916. – 203 л.
 14. НИАБ. – Ф. 2592 (Канцелярия старшего фабричного инспектора Витебской губернии). Оп. 1. Д. 265. – Писки фабрик и заводов, приостановивших, увеличивших и сохранивших производство в связи с военными событиями в Витебской губернии. 08.11.1914–27.06.1915. – 82 л.
 15. НИАБ. – Ф. 2707 (Витебская льнопрядильная фабрика анонимного общества «Двина»). Оп. 1. Д. 120. – Кассовая книга. 31.08.1915–01.12.1921 – 268 л.
 16. НИАБ. – Ф. 3166 (Пивное акционерное общество «Левенбрей»). Оп. 1. Д. 8. – Кассовая книга акционерного общества «Левенбрей» за 1916–1918 гг. – 399 л.
 17. НИАБ. – Ф. 3217 (Марковщинское комендантское управление). Оп. 1. Д. 1. – Приказы по Марковщинскому комендантскому управлению за 1915–1917 гг. 10.11.1915–28.10.1916 – 371 л.
 18. НИАБ. – Ф. 3217. Оп. 1. Д. 4. – Требования на содержание чинов управления, отопление, освещение и проч. 15.04.1915–17.04.1918. – 27 л.
 19. НИАБ. – Ф. 3217. Оп. 1. Д. 6. – Дело о разрешении производить стрельбу из револьверов, о постройке заразных бараков и др. 10.11.1915–22.12.1917. – 208 л.
 20. НИАБ. – Ф. 3217. Оп. 1. Д. 7. – Приказы тылового эвакуационного пункта. 01.05.1916–31.12.1916. – 383 л.
 21. НИАБ. – Ф. 3217. Оп. 1. Д. 9. – Переписка Марковщинского комендантского управления о призванных в войска, об оказании помощи их семьям. 06.11.1916–09.07.1917 – 912 л.
 22. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003 (Штаб верховного главнокомандующего (Ставка)). Оп. 2. Д. 544. – Дело

- о военнопленных: о режиме военнопленных славян и эльзас-лотарингцев, об использовании на работе, о размещении военнопленных, обмене, о наборе добровольцев из пленных (сведения, докладные записки, переписка). 18.10.1914–13.05.1916 – 358 л.
23. Рудовіч, С. С. Беларусь у гады Першай сусветнай вайны / С. С. Рудовіч // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2005–2008. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII–пачатак XX ст.) / М. В. Біч [і інш.]. – 2005 – 519 с.
24. Рындін, С. Н. Рабочие формирования из военнопленных на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны / С. Н. Рындін // *Архіварыус : Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў*. Вып 16 / рэдкал.: В. Ф. Голубеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : НГАБ, 2018. – С. 255–265.
25. Степанов, А. И. Цена войны : жертвы и потери / А. И. Степанов // *Мировые войны XX в. : в 4 кн. / редкол. : Г. Д. Шкундин (отв. ред.)*. – Москва : Наука, 2002–2005. – Кн. 1 : Первая мировая война : ист. очерк / Б. М. Туполев [и др.]. – 2002. – 686 с.

.....
Артыкул паступіў у рэдакцыю 28.01.2021

А. Л. Самович

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БЕЛОРУССКАЯ ШКОЛА: ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ (1914–1918 гг.)

Школьном деле и какой-либо планомерной работе образовательных учреждений в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) можно говорить только с натяжкой. Причины тому объективны – разрушенная в ходе боевых действий инфраструктура населенных мест, эвакуация учащихся и преподавательского состава в глубь империи, занятие школьных зданий воинскими частями, штабами и медицинскими учреждениями, уничтожение оборудования учебных кабинетов, отток на фронт лучших педагогических сил, растущая детская беспризорность. Тем не менее, опыт, позволяющий судить об устойчивости педагогической системы в экстремальных условиях военного времени, о роли института школы в сохранении и трансляции нравственных начал социума в обстановке крайнего напряжения духовных сил общества и материальных ресурсов государства, имеет важное непреходящее значение и вызывает неподдельный исследовательский интерес.

Многочисленные свидетельства тех далеких лет указывают на то, что первая реакция на начало войны с Германией характеризовалась